

Антон ВАСЕЦКИЙ

ПЯТЬ СТАДИЙ ПРИНЯТИЯ НЕИЗБЕЖНОГО

Анна Гедымин. *Возьми себе.* – Ростов-на-Дону: Prosodia, 2026. – 84 с. – (Серия «Действующие лица»).

В размышлениях о любви сломано столько копий, что не добавит еще один обломок было бы трусостью. Что являет собой это чувство, выскакивающее, как убийца в переулке, – благословение или проклятие, предмет повседневного выбора или элемент предназначения? Казалось бы, спектр трактовок от Платона и Аристотеля до Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга (а также более поздних психотерапевтических изысканий) исчерпывающ, и тему можно считать закрытой. На теоретическом уровне.

Но есть и эмпирический уровень. Именно ему посвящена книга стихов Анны Гедымин «Возьми себе». Она разбита на пять глав, самая короткая из которых содержит семь стихотворений, а самая длинная – шестнадцать. Каждый раздел объединен общей темой или мотивом. И только к финалу ты понимаешь, какой путь проделал вместе с героиней книги.

Стихотворение, давшее название первой главе, называется «Сухой водоем». В основе оксюморона – попытка осмыслить безжалостную силу времени. *«Там, где наши мелькали следы, / Ныне – вечногo символ покоя. / Ни тебя, ни меня, ни воды...»* – обращается к некогда дорогому для себя человеку героиня. Эта боль пронизывает весь раздел. Увы, предмета «Человек и время» в школе не изучают, и даже запечатленный в памяти ангел *«вдоль той мостовой»* не способен спасти от перемен.

Интересна и структура главы. Она начинается со стихотворения «Второе января», а заканчивается стихотворением «Рождественская ночь». Читатель должен сам решить, как долго писались стихи в указанном промежутке – несколько дней или целую жизнь.

Но за то, что всплываешь из мрака
Несмотря на лихое житье, –
Только радоваться,
Только плакать
Остается.
И славить ее.

Анна Гедымин как может избегает ритмической монотонности. *«Снова недостижим размеренный ритм»*, – как будто бы раскрывает она свой творческий метод, с легкостью переходя от анапеста к раешному стиху. И хотя тропы в ее текстах выглядят поначалу подчеркнуто аскетичными (*«Снег — почти до небес, / Свет — почти до земли, / Старый дом, старый лес / От дороги вдали»*), в дальнейшем нас ждет немало открытий в мире повседневности: от неистребимого духа кошачьей органики до солнца, запаханного во мглу, и шахматиста в парке, разливающего по кружкам сумерки. Не говоря уже о смелых рифмах (*«зануды – иуды»*) и омонимичных играх (*«И сны мои вещи»*).

Еще одна особенность поэтики Анны Гедымин заключается в том, что, исследуя вполне себе невеселые темы одиночества, оставленности и забвения, она словно компенсирует их тяжесть самым фактом поэтического высказывания. Одновременно с этим фокусируясь на непрестанном чередовании печали и радости в жизни человека.

Какие же смыслы ждут нас в следующих главах? Второй раздел «На восходе Луны» заявляет о тьме – inferнальной и онтологической. Ее воплощением становятся ковид в одноименном триптихе, затем смерть матери в пронзительном полиптихе «Пятая

годовщина», а далее хоть и «недобрая», но, к сожалению, преходящая любовь мужчины к женщине.

Закрывающее вторую главу стихотворение «Вопрос» оставляет героиню один на один с пустотой – практически, как с отражением в холодном стекле в уже упомянутой «Пятой годовщине». *«Мама, ты победила: / Я – это ты»*, – признается героиня чуть ранее. И почти с той же интонацией обращается к терзающей ее тоске в «Вопросе»:

Что ты глядишь так холодно, так дико,
Так хорошо?..

Третья глава «В старом городе» посвящена памяти. *«Через десяток лет / Этот неровный свет / Вернется к тебе во сне – / Мурашками по спине»*, – прокручивает героиня перед глазами калейдоскоп событий и пространств прошлого. Наблюдая старый город, прерванную расставанием любовь и музыкальную школу в детстве, ставящую знак тождества между Пушкиным и Моцартом. А чуть позже – Бетховеном.

Четвертая глава «Возьми себе» эклектична в своей проблематике. Она объединяет в себе элегичные размышления о принятии мира, взаимодействии с высшими силами, расставании с возлюбленным и готовности отдать ему последнее: *«И – да, вот сердце мое. / Если что – / Возьми себе»*. Увы, даже надежда, высказанная в последнем стихотворении раздела «Новогодний тост», тиха и печальна:

Ибо, как бы ни был
Предсказания лживы,
Мы пока еще живы...

Так что же за путешествие было уготовано нам автором? Ответ приходит при чтении последней главы «День восьмой», чье название напрямую отсылает к Библии. Это и финал цикла творения, и начало нового отсчета. Преодолев первые четыре стадии, героиня целиком посвящает пятый раздел тому, что пыталась если не отвергнуть, то рационализировать: любви к герою. И каждый из текстов раздела содержит новый оттенок этого переживания: от неспособности отпустить до готовности пожертвовать собой, от нежелания забыть до фатализма.

Ты для меня
Больше, чем беда,
Больше, чем вода
В пересохшей округе.
Ты для меня –
И шальная толпа,
И лесная тропа,
И друзья, и подруги.

Иными словами, речь идет об абсолютном принятии чувства, которое на поверку оказывается сильнее и Танатоса, и быта, и свободы, и разума. И даже времени. Чувства, рождающегося как эгоистичное и выворачивающего наизнанку, но в результате делающего тебя самым собой.

Мы недаром упомянули психотерапевтические подходы в самом начале. Согласно им, принятию неизбежного предшествуют отрицание, гнев, торг и депрессия. Да, возможно, Анна Гедымин воплощает их не так буквально. Но на фоне стремительно теряющего гуманность мира финал книги выглядит как минимум жизнеутверждающе. Человеческая любовь вне рамок. Была, есть и будет. Прими это, как предписано в заглавии, и живи дальше.

Настал черед поговорить об интертекстуальных связях, представленных в «Возьми себе». Автор открыто обращается к Иосифу Бродскому, Анне Ахматовой, Марине Цветаевой, Александру Блоку и Александру Сергеевичу Пушкину. Любопытно, что диалог с последним не лишен приговских интонаций:

Даже те, кто стал великими
Посреди полей и сел,
«Пушкин – наше все! – выкрикивали. –
Пушкин – наше вот и все...»

Это указывает не только на способность синтеза как один из элементов авторского инструментария, но и на вписанность представленной поэтики в богатую культурную традицию. Об этом же говорится в блербах за подписью уже покойных Льва Аннинского и Бахыта Кенжеева, а также здравствующего Владимира Козлова. Первый акцентирует внимание читателя на прозрачности боли Анны Гедымин. Второй – на красоте ее мира и таланте. Третий – на сплавлении ею исторической и аналитической элегии.

Три разных взгляда на одну и ту же книгу не могут не напомнить нам расхожую истину: каждый видит в авторе то, что близко ему. Согласимся и резюмируем, что «Возьми себе» представляет собой навигатор по сложному и удивительному миру, где чудо проживания идет рука об руку с пронзительностью ощущений, а зримое присутствие Бога не спасает от ошибок, которые мы совершаем, пытаясь стать чуточку счастливее.